

Часть 1

Ночью опять случился пожар. На сей раз, должно быть, совсем недалеко от дома. Выйдя без пальто на улицу, запорошенную тонким слоем снега, она сразу почувствовала едкий запах. Он резко отличался от обычного зимнего дыма: жженная резина, обгорелые тряпки, расплавленный металл, а еще паленая кожа и волосы. Некоторые женщины в холода укутывали детей в овечьи шкуры. Не в первый раз Ева задумалась о том, кто же это творит, кто с некоторых пор задними дворами пробирается по ночам в многоквартирные дома и поджигает в парадных детские коляски. Сумасшедший или подросток — так считали многие. К счастью, до сих пор огонь не перекидывался на сами дома и пока никто не пострадал. В «Херти» новая коляска стоила сто двадцать марок. Не пустяк для молодой семьи.

«...Молодой семьи...» — стучало в голове. Ева принялась ходить взад-вперед по тротуару. Было морозно, но холода она не чувствовала, хоть и была только в новом голубом шелковом платье. Напротив, от волнения она даже вспотела. Поскольку ждала ни больше ни меньше как «счастья всей жизни», по презрительному выражению сестры. Ева ждала будущего мужа, который сегодня, в тре-

тье воскресенья адвента, решил представиться ее родным. Он был приглашен на обед. Ева посмотрела на наручные часы. Тринадцать часов три минуты. Юрген опаздывал.

Мимо медленно ехали машины. Воскресные водители. Лыдило. Слово придумал отец Евы специально для этого погодного явления: мелкая ледяная стружка плавно выпадала из облаков. Как будто кто-то стругал огромную льдину. Кто-то, кто предопределяет все. Ева подняла взгляд в серое небо над белесыми крышами и заметила, что за ней наблюдают: в окне на втором этаже над вывеской «Немецкий дом», прямо над буквой «о», стояла шатенка. Она смотрела на дочь. Мать не двигалась, но у Евы возникло такое ощущение, будто та прощается, и она быстро отвернулась. Сглотнула. Только не хватало сейчас заплакать.

Дверь ресторана открылась, и вышел отец в белой рабочей куртке — тяжелый, надежный. Не глядя на Еву, он открыл стеклянную витрину, якобы чтобы поместить туда новое меню. Но Ева знала, оно будет только к карнавалу. На самом деле отец волновался. Он был очень привязан к дочери и ревновал к незнакомцу. Ева услышала, как отец тихонько что-то напевает — делает вид, что все, как обычно. Людвиг Брунс пел одну из народных песен, которые с таким удовольствием уродовал. К его огорчению, он был начисто лишен музыкального слуха:

Мы мурлычем у ворот,
И нам очень хорошо
Под ли-и-ипами.

У окна рядом с матерью появилась молодая женщина со светлыми взбитыми волосами. Она с преувеличенным волнением помахала Еве рукой, но та даже на рас-

стоянии заметила, что Аннегрете невесело. Ей, однако, не в чем было себя упрекнуть. Она достаточно долго ждала, пока старшая сестра первой выйдет замуж. Но когда той исполнилось двадцать восемь лет, да к тому же она еще больше раздалась в ширину, Ева, по тайной договоренности с родителями, решила, что это правило более не действует. Все-таки она уже и сама почти что старая дева. Толпы ухажеров ее не осаждали. Родные не могли этого понять, так как Ева была здоровая, женственная — полные губы, тонкий носик, длинные натуральные светлые волосы, которые она сама стригла и искусно укладывала в пучок. Но взгляд ее часто выдавал какое-то беспокойство, будто она ждала катастрофы. Ева подозревала, что отпугивает мужчин.

Тринадцать часов пять минут. Юргена все не было. Вместо этого открылась соседняя с рестораном дверь и вышел Штефан. Брат был без куртки, что немедленно вызвало встревоженный стук и жестикуляцию матери в окне. Но упрямец не повернул головы: он же надел оранжевую вязаную шапочку и такие же перчатки. Штефан тащил за собой санки, а около него пританцовывал Пурцель, черная такса, коварный, но искренне любимый всеми членами семьи пес.

— Фу, как воняет, — сказал Штефан.

Ева вздохнула:

— Только вас здесь не хватало! Не семья, а наказание.

Штефан принялся возить санки взад-вперед по тонкому слою снега, выпавшему на тротуар. Пурцель принюхался к столбу, возбужденно обежал круг и наложил на снег кучу. От нее пошел пар. Полозья санок скрипели по асфальту. К скрипу добавился звук лопаты для уборки снега, с которой отец возился у входа. Ева уви-

дела, как он схватился за спину и закрыл глаза. Опять у него боли, в чем он никогда не признается.

Людвига долго «чертовски мурыжило» в пояснице, как он говорил, а как-то утром в октябре он не смог встать. Ева вызвала «Скорую», в городской больнице сделали рентген и диагностировали грыжу. Отца прооперировали, и врач доходчиво объяснил, что ресторан придется закрыть.

Людвиг Брунс заявил, что ему нужно кормить семью. Как же это возможно на маленькую пенсию? Ему попытались внушить, что нужно не самому стоять у плиты, а нанять повара. Но Людвигу претила мысль пустить в свое царство чужака. Решением стал отказ от обедов, и с осени они были открыты только по вечерам. Оборот упал почти наполовину, но Людвиг стал чувствовать себя лучше.

Тем не менее Ева знала, больше всего отец хотел весной снова иметь возможность предлагать гостям обеды. Людвиг Брунс любил свою работу, любил, когда люди сидят веселой компанией, когда им вкусно и они довольные, сытые, навеселе идут домой. «Я удерживаю душу в теле», — любил говорить он. А мать отшучивалась: «Трактирная душа».

Наконец Ева замерзла и скрестила на груди руки, ее передернуло. Она очень надеялась, что Юрген уважительно отнесется к родителям. Ведь пару раз она уже была свидетелем того, с каким неприятным пренебрежением он обращается с официантами и продавщицами.

— Полиция! — крикнул Штефан.

Подъехала черно-белая машина с сиреной на крыше и двумя пассажирами в темно-синей форме. Штефан

с благоговением уставился на них. Ева решила, что полицейские решили заняться сожженными колясками — осмотреть следы, опросить жильцов, не заметил ли кто ночью чего-нибудь подозрительного. Полицейские кивнули сперва Людвигу, затем коротко Еве. Они знали свой участок. Машина почти бесшумно проехала мимо и свернула на Кёнигштрассе. «Наверно, горело в тех новых розовых домах. Там живут несколько молодых семей. Молодых семей».

Тринадцать часов двенадцать минут. «Не придет. Передумал. Позвонит завтра и скажет, что мы не подходим друг другу. Разница в общественном положении, дорогая Ева, мы не можем сбрасывать ее со счетов». Хлоп! Штефан бросил в нее снежком, который попал прямо в грудь и ледком начал сползать за вырез платья. Ева схватила брата за свитер и притянула к себе.

— С ума сошел? Это совсем новое платье!

Штефан ослабился — так он демонстрировал, что ему стыдно. Ева не собиралась его отпускать, но в этот момент в конце улицы появилась желтая машина Юргена. Сердце у нее подпрыгнуло, как испуганный теленок. Ева прокляла свои нервы — она даже ходила к врачу. Надо дышать спокойно. Правда, у нее не получилось. Потому что, пока подъезжала машина, ей внезапно стало ясно: ничто не убедит ее родителей в том, что Юрген сделает их дочь счастливой. Несмотря ни на какие деньги. Ева уже различала лицо Юргена за лобовым стеклом. Он выглядел усталым. И серьезным. На нее он не смотрел. На какой-то ужасный момент Ева подумала, что сейчас Юрген нажмет на газ и проедет дальше. Но тут он затормозил. Штефан заорал:

— У него черные волосы! Как у цыгана!

Юрген слишком близко подъехал к тротуару, и резиновые шины проскрипели по бордюру. Штефан схватил Еву за руку. Ева чувствовала, как в вырезе платья тает снег. Юрген выключил мотор и еще с минуту посидел в машине. Эту картину он не забудет: две женщины в окне над словом «дом», одна толстая, другая маленькая, думают, что их не видно; уставившийся на него мальчишка с санками; крупный отец с лопатой для чистки снега на пороге своего ресторана, готовый ко всему. Все они смотрели на него, как на обвиняемого, который впервые заходит в зал суда и садится на скамью подсудимых. Только взгляд Евы был другим. В нем светилась робкая любовь.

Юрген сглотнул, надел шляпу и взял с соседнего сиденья завернутый в шелковую бумагу букет цветов. Выйдя из машины, он подошел к Еве. Хотел улыбнуться, но вдруг почувствовал резкую боль в голени. Такса укусила.

— Пурцель! Пошел отсюда! — закричала Ева. — Штефан, гони его в дом! В спальню!

Штефан что-то пробурчал, но взял барахтающегося пса и понес его в дом. Ева и Юрген смотрели друг на друга, испытывая неловкость. Они не знали, как поздороваться на глазах у семьи. Затем пожали друг другу руки и заговорили одновременно.

— Прости, они у меня такие любопытные.

— Какая торжественная встреча! Чем обязан?

Когда Юрген отпустил руку Евы, отец, мать и сестра, покинув свои наблюдательные посты, исчезли, как кролики в норе. Ева и Юрген остались одни. На улице задувал ледяной ветер.

— Хочешь гуся? — спросила Ева.

— Уже несколько дней только об этом и мечтаю.

— Ты должен найти общий язык только с моим братом. Тогда все встанут на твою сторону.

Оба засмеялись, сами не зная чему. Юрген направился было ко входу в ресторан, но Ева развернула его к двери в дом. Она не хотела вести будущего мужа по полутемному залу, где пахнет пролитым пивом и мокрым пеплом. Через прихожую, где пол был натерт мастикой, по лестнице с черными перилами они прошли в квартиру, располагавшуюся над рестораном. После войны двухэтажный дом отстроили заново — бомбежкой его разрушило почти полностью. На следующее утро после ада под открытым небом стояла только длинная барная стойка, беззащитная перед всеми ветрами.

* * *

Наверху в дверях ждала мать, она улыбалась улыбкой, которой обычно пользовалась при общении с постоянными посетителями ресторана. «Сахарное лицо», как говорил Штефан. Надев двойные гранатовые бусы, позолоченные серьги со свисающими выращенными жемчужинами и золотую брошь в форме листика клевера, Эдит Брунс выставила на обозрение все свои украшения, чего Ева еще не видела. Ей вспомнилась сказка о елке, которую она читала Штефану. После Рождества та угодила на чердак, чтобы весной сгореть во дворе. А на сухих ветвях еще висят забытые остатки праздника. «Но все-таки подходит к третьему адвенту», — подумала Ева.

— Господин Шоррман, что же вы нам принесли за погоду? Розы в декабре? Где же вы их нашли, господин Шоррман?

— Мама, Шоорман, с двумя «о».

— Давайте вашу шляпу, господин Шоооорман.

* * *

В комнате, которую по воскресеньям использовали как столовую, гостя встретил Людвиг Брунс с ножницами для разделывания птицы. В знак приветствия он протянул гостю правое запястье. Юрген извинился. Снег.

— Ничего страшного. Пока все в рамках. Гусь огромный, шестнадцать фунтов. Ему нужно время.

К Юргену протиснулась сестра. Она нарисовала слишком черные стрелки на глазах и намазала губы слишком яркой оранжевой помадой. Аннегрета протянула Юргену руку и лукаво улыбнулась:

— Поздравляю. Это вам не бесплотные мечты.

Юрген не понял, имеет она в виду Еву или гуся.

* * *

Скоро все сидели за столом и смотрели на дымящуюся птицу. Рядом с ней в хрустальной вазе стояли принесенные Юргеном розы, похожие на похоронные. По радио тихо играла непонятная воскресная музыка. На буфете от тепла трех мерцающих свечек крутилась рождественская пирамида. Четвертую еще не зажигали. В центре пирамиды перед вертепом стояли ясли с новорожденным Младенцем, а также Мария и Иосиф. Вокруг них по вечному кругу мчались овцы, пастухи и волхвы на верблюдах. Никогда они не встретятся со Святым семейством, никогда не смогут преподнести Младенцу Христу свои дары. В детстве Ева очень жалела об этом и в конце концов, выдрав подарок у волхва-мавра, подложила его к яслям. На следующее Рождество маленькая красная коробочка исчезла, и с тех пор волхв крутился с пустыми рука-

ми. Коробочка так и пропала. Мать рассказывала эту историю каждый год перед Рождеством, когда приносила пирамиду с чердака. Еве тогда было пять лет, но она этого не помнила.

Отец разрезал гуся вдоль грудки.

— А он был живой? — Штефан вопросительно посмотрел на отца.

Тот подмигнул Юргену:

— Нет, это искусственный гусь. Только для еды.

— Тогда грудку!

И Штефан протянул отцу тарелку.

— Малыш, сначала гостю.

Мать взяла у Юргена дрезденскую тарелку с зеленым орнаментом в виде вьющихся растений и поставила мужу. Ева наблюдала, как Юрген незаметно осматривается. На просиженный диван мать набросила плед в желтую клетку. Для левого подлокотника она связала небольшую салфетку. Это было место отца; приходя с кухни, он садился туда и клал ноги на низкую мягкую табуретку, как рекомендовал врач. На журнальном столике лежал еженедельник «Хаусфройнд», раскрытый на кроссворде — на четверть разгаданном. Еще одна вязаная крючком салфетка защищала драгоценный телевизор. Юрген втянул носом воздух и вежливо поблагодарил за наполненную тарелку, которую поставила перед ним Эдит. Она развернула ее так, чтобы блюдо выглядело особенно аппетитно. При этом качнулись серьги. Отец, сменивший белую куртку на воскресный пиджак, сидел рядом с Евой. К щеке у него прилипла маленькая зеленая веточка. Вероятно, петрушка. Ева быстрым движением смахнула ее с мягкого лица. Отец задержал ее руку и, не глядя на дочь, коротко пожал.

Ева злилась на Юргена из-за этих оценивающих взглядов. Ну да, он привык к другому. Но должен же он видеть, как родители старались, какие они порядочные, любезные.

* * *

Сначала все ели молча. Аннегрета, как всегда в компании, откинулась на спинку стула и ковыряла еду, якобы не хотела есть. Потом, на кухне, она сметет с тарелки остатки, а ночью пойдет в кладовку за холодной гусятиной. Аннегрета протянула Юргену специи и подмигнула.

— Перца, господин Шоооорман? Или соли?

Юрген поблагодарил и отказался, что отец отметил, не поднимая глаз.

— Мою стряпню еще никто потом не солил и не перчил.

— Ева рассказывала мне, что вы работаете медсестрой. В городской больнице? — обратился Юрген к Аннегрете, которая пока оставалась для него загадкой.

Та пожала плечами, как будто об этом не стоит и говорить.

— А в каком отделении?

— В детском.

В последовавшей паузе все разобрали слова диктора по радио: «Бабушка Хильдегарда из Геры передает поздравления с третьим адвентом своим родным в Висбадене и особенно восьмилетнему внуку Хайнеру». Заиграла музыка.

Эдит улыбнулась Юргену:

— А чем вы занимаетесь, господин Шоооорман?

— Я изучал богословие. А теперь работаю на фирме отца. В руководстве.

— Товары почтой, так ведь? Ваша семья занимается рассылкой товаров по почте? — спросил уже отец.

— Папа! — толкнула его Ева. — Только не прикидывайтесь глупее, чем вы есть!

Повисла еще одна пауза, потом все рассмеялись, в том числе и Штефан, который не понимал, что к чему. Ева расслабилась. Они с Юргеном обменялись взглядами: «Сладится!» Мать сказала:

— У нас, конечно же, есть каталог фирмы «Шоорман».

Штефан фальцетом пропел рекламный слоган:

У Шоормана все есть, Шоорман все доставит.
Динг-донг. Динг-донг.

Юрген с деланой строгостью спросил:

— Вы ведь уже заказывали у нас товары? Это ключевой вопрос.

— Разумеется, — с готовностью ответила Эдит. — Фен для волос и дождевик. Мы остались очень довольны. Но вам стоит подумать о стиральных машинах. Не люблю покупать такие крупные вещи в «Херти». Там кого хочешь уболтают. А с каталогом можно спокойно подумать дома.

Юрген приветливо кивнул:

— Да, вы правы, фрау Брунс. Я и без того планирую некоторые перемены на фирме.

Ева одобрительно посмотрела на Юргена. Тот прокашлялся.

— У меня болен отец. Он не сможет долго руководить фирмой.

— Как грустно это слышать, — сказала мать.